

Юрий Меркеев

Гермиона

Сборник детских рассказов

Юрий Меркеев

**Гермиона. Сборник
детских рассказов**

«Издательские решения»

Меркеев Ю.

Гермиона. Сборник детских рассказов / Ю. Меркеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746124-9

Это сборник коротеньких и смешных детских историй, чем-то похожих на продолжение «Носовской шляпы» или «Тургеневских страшилок у костра» из «Записок охотника». Рекомендовано к чтению в семейном кругу.

ISBN 978-5-44-746124-9

© Меркеев Ю.
© Издательские решения

Содержание

Буду водолазом!	6
Рождественское чудо	8
Раскаяние	12
Правдоруб Кузякин	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Гермиона

Сборник детских рассказов

Юрий Меркеев

Иллюстратор Саша Николанко

© Юрий Меркеев, 2021

© Саша Николанко, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-4474-6124-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Буду водолазом!

Когда мне исполнилось пять лет, взрослые словно сговорились вытащить из меня правду о том, кем я хочу стать в будущем. Вопросы сыпались со всех сторон, и мне приходилось отбиваться от них, подобно вратарю хоккейной команды от шайб противника. Поначалу я робел, стеснялся, даже краснел, когда в очередной раз какой-нибудь сосед или родственник спрашивал меня с непонятным упрямством: «Ну, Алёшка, кем хочешь стать, когда вырастешь?».

Мне казалось, что задавать такие вопросы пятилетнему мальчику ещё слишком рано. Скажу откровенно, что мои глубоко спрятанные фантазии на тему взрослой жизни были напитаны авантюрными приключениями в духе разбойничьего благородства Робин Гуда, Гекльберри Финна и Тома Сойера, и никак не могли вписаться в общепринятые стандарты типа: «Хочу быть космонавтом, лётчиком, моряком». Вскоре, впрочем, я обнаружил за взрослыми странную вещь: ответы на свои вопросы они знали и без меня. Поскольку мой папа был моряком, а родители почти всех моих друзей так или иначе были связаны с морскими профессиями, то я, по их мнению, должен был отвечать: «Хочу быть моряком, как мой папа». И когда они видели на моём лице смущение, то спешили облегчить муку и отвечали за меня: «Ну что ты, Алёшка, как в рот воды набрал? Конечно, ты хочешь быть моряком, как твой папа».

В конце концов эта игра в вопросы и ответы так мне надоела, что я начал дерзить. Когда ко мне подходил очередной вопрошающий, я становился в позу и нагло заявлял: «Хочу быть дворником», или «...продавцом кваса», или «...кошачьим доктором», так как слово «ветеринар» было мне ещё незнакомо. Взрослые обычно не обижались на меня и, привычно похлопывая по плечу, произносили: «Будешь ты, Алёха, моряком, как твой папа».

В какой-то момент мне стало казаться, что окружающие люди сговорились травить меня этими вопросами, что им просто не о чем поговорить с пятилетним мальчиком, и поэтому они переливают из пустого в порожнее. Такого унижительного положения я стерпеть не мог. И решил придумать себе профессию, которая была бы сродни моим мечтательным романеям. Помог телевизор. Однажды вечером вместе с родителями я посмотрел документальный фильм о трюкачах-каскадёрах и решил, что в будущем стану одним из этих бесстрашных людей. Теперь, когда меня терзали вопросом о будущем, я с гордостью отвечал: «Буду каскадёром!».

В своих фантазиях я воспарил настолько высоко, что начал немедленно готовиться к этой рискованной профессии. По обледенелой покато́й крыше четырёхэтажного дома я уже ходил, в тридцатиградусный мороз в проруби купался, заработав при этом воспаление лёгких. Не довелось, правда, полежать на рельсах под поездом, информация просочилась, и по пути к вокзалу меня перехватили родители. Оставалось одно – преодолеть страх и прыгнуть с высокого эстакадного моста в речку Преголю, которая пересекала наш город на две части.

Кроме ленпроспектовского хулигана по прозвищу Дындик, который впоследствии утонул в этой самой реке, я не знал ни одного человека, сумевшего бы прыгнуть с высоты моста в чёрные воды судоходной Преголи хотя бы даже «солдатиком», то есть вперёд ногами. Тринадцатилетний Дындик, по слухам, делал это эффектно. Он брал с собой зажигалку, набирал в рот бензин или спирт и с горящим изо рта факелом летел ночью с моста вверх тормашками, производя на толпу зевак, особенно девчонок, ошеломляющее впечатление. Утонул он летом во время очередного прыжка. Выяснилось, что Дындик страдал эпилепсией, и прямо во время прыжка у него случился приступ. Вместе с другими мальчишками я ходил смотреть

на вытащенное из Преголи тело. Дындик был синий, распухший, весь в водорослях. Мне потом долго снились кошмары, связанные с этой страшной картинкой, а Преголя с той поры стала казаться чернее и глубже, чем была. Да и название реки, прежде ласковое, представлялось мне немного зловещим. Надо сказать, что среди мальчишек ходили страшные слухи по поводу этой реки. Поговаривали, что в средние века во времена Тевтонского ордена крестоносцев в нашем городе, который носил название Кенигсберг (Королевская гора), горели костры инквизиции, а всех магов и колдунов бросали с привязанными к шеям камнями в воды не Преголи, но Прегеля. Старожилы Калининграда рассказывали о том, что водолазы нередко находили на дне аммуницию и скелеты немецких солдат, ожесточённо оборонявших город-крепость в апреле сорок четвертого. Не только ребячьи, но и люди взрослые не были в восторге от чёрной реки – два раза в год весной и осенью Преголя как будто «вспухала». Вода в ней становилась вонючей и мутной. Кто-то утверждал, что два раза в год на дне начинают шевелиться мертвецы, что в реке издревле водятся черти. Кто-то посмеивался над этим и заявлял более прозаичное – будто бы два раза в год в Преголю сбрасывают вонючие отходы с целлюлозно-бумажного комбината, расположенного на окраине города в устье реки. Иными словами, страх исходил не столько от моей безумной затеи прыгнуть в воду с высокого моста, сколько от жутких легенд, связанных с Прегелем-Преголей.

Однако деваться мне было некуда. Я уже успел с гордостью оповестить друзей о том, что летом собираюсь повторить подвиг покойного Дындика и прыгнуть «солдатиком» с эстакады в речку. Какой же я был наивный... Стоило мне для пробы выйти на середину моста и заглянуть вниз в черноту Преголи, как мне становилось жутко от одной только мысли оказаться в объятиях какого-нибудь проснувшегося мертвеца. Раз шесть или семь я ходил с друзьями делать пробу, однако же уходил ни с чем, побеждённый нечеловеческим страхом. Наконец я отправился туда без свидетелей, печальный от того, что был почти уверен, что преодолеть страх не смогу, и что никаким трюкачом-каскадёром не стану. Я стоял облокотившись о перила моста и чуть не рыдал от обиды на самого себя. В этот момент я услышал знакомый голос и увидел маму, которая бежала ко мне, размахивая руками.

– Проболтались, каналы, – плюнул я в воду, но в это мгновение меня вдруг охватила спасительная мысль. Стану я... стану я... стану... ну, конечно...

– Жив! – запрочитала мама, оттаскивая меня от перил моста. Я не сопротивлялся и с блаженной улыбкой вспоминал одну из телепередач «Клуба путешественников», в которой так романтично рассказывали о подводном мире. Конечно же, я немедленно решил стать... водолазом. Эта мысль так вдохновила меня, что я сам взял маму за руку и выглядел, несмотря на появившиеся слёзы обиды, почти счастливым. В конце концов, у меня за плечами уже есть некоторый опыт водолазных работ – в ванной. С помощью маски и трубки я запросто находил на дне ванны какой-нибудь затонувший обмылок, а без кислорода и без трубки я мог находиться под водой почти минуту. Как же я мог позабыть такие свои достоинства? Я шёл рядом с мамой и с гордостью думал: «Вот подрасту, надену акваланг и ласты и оттаскаю за рожки всех преголевских чертей, куда бы они ни спрятались. Своими глазами увижу, что на самом деле происходит с речкой два раза в год, и разберусь со всеми магами и колдунами, которые живут на дне речки. А уж потом – потом можно и в каскадёры податься!».

С той минуты на вопросы взрослых о будущей профессии я уверенно отвечал: «Буду я водолазом!».

Рождественское чудо

Приближался праздник Рождества Христова. Машенька знала о том, что в Рождественскую ночь сбываются самые сокровенные желания. Девочке очень хотелось чуда.

Когда Маша была совсем маленькая – она помнила это отчётливо, – святой Николай подбросил ей в кроватку куклу, о которой девочка давно мечтала. Она тогда притворилась спящей, а сама всю ночь ждала чуда, и ей удалось подглядеть, как под утро в комнату зашел седобородый старичок в красном кафтане и, напевая про себя какую-то песенку, положил ей в кроватку куклу. А в прошлом году Маша обнаружила под ёлкой в своей комнате плюшевого медвежонка с большими добрыми глазами. Его, верно, тоже подбросил святой Николай. Медвежонок пока не умел разговаривать, но зато был очень послушным. «Интересно, – думала Маша. – А что же волшебного произойдёт в эту Рождественскую ночь? Что-то обязательно случится». Может быть, она опять увидит у своей кровати какую-нибудь красивую игрушку, а может... исполнится её давняя мечта иметь свои собственные коньки и пойти на каток с бабушкой. Вот было бы здорово! Кругом много ребятишек, раздаётся радостный смех, играет весёлая музыка, и она, как снежинка, кружится в каком-нибудь фантастическом танце.

Старший брат Дима посмеивался над ней и говорил, что чуда никакого не бывает. Что всё это выдумки наивных взрослых и что подарки подбрасывают папа с мамой. «Чудо, – важно объяснял он. – Это когда чего-то появляется вдруг, а ты не знаешь, откуда. Понятно?».

Маша молча пожимала плечами.

Однажды Дима сказал:

– Если бы у меня был волшебный коробок со спичками, я бы одну спичку надломил, – он хитровато прищурился, – и попросил бы знаешь чего?

– Чего? – с придыханием спросила Маша.

– Миллион тыщ таких спичек, – с гордостью ответил он и высокомерно взглянул на сестрёнку. – А ты бы чего попросила?

– Я? – застигнутая вопросом враспloch Маша смущённо заморгала. – Я бы попросила... – Она задумалась и после небольшой паузы твёрдо проговорила:

– У тёти Наташи, нашей соседки, очень сильно разболелась нога. Она вчера поскользнулась и упала на улице. Вчера она маме сказала: «Нога разболелась так, что хоть режь». Так вот, – продолжала девочка, – я бы попросила, чтобы у неё тут же зажила нога.

– Эх ты, – обречённо вздохнул Дима. – Глупенькая. Ничего ты не понимаешь. Израсходуешь все спички на разные пустяки, а потом будешь у меня клянчить. Учти, не дам. Ты сначала научись на дело их тратить, – не на шутку разошёлся брат. – У тёти Наташи и так нога заживёт, а ты спичку израсходуешь. Ну до чего же ты, Машка, глупая! Ты вот что, – напоследок предупредил он. – Папе с мамой не говори, что я правду про чудо знаю. А то расстроятся.

Вечером, когда Маша уложила спать своих кукол, а плюшевого медвежонка, как обычно, поставила сторожить их сон – дело в том, что глаза у него были всегда открыты, – она с чувством исполненного долга легла сама и вдруг вспомнила дневной разговор с братом. И подумала: «Какой он всё-таки странный. Говорит, что знает правду о чуде, а сам ничегошеньки и не знает. Говорит, что чудо – это когда чего-то вдруг появляется, и не знаешь, откуда. – Машенька тихонько рассмеялась. – Какой же он глупенький! Узоры зимой на окнах появляются, кто их рисует? Значит, это чудо. А луну кто каждую ночь подвешивает на небо? А снежок кто с неба посыпает? Хоть он и старше меня на два года, – подумала девочка, засыпая, – а совсем ещё глупенький».

В сочельник приехала бабушка и привезла «сочиво», вкусную рисовую кашу с изюмом и мёдом. Никто не умел так вкусно готовить, как бабушка. Машеньке она однажды открыла свой секрет: «Прежде чем взяться за что-нибудь, я всегда прошу помощи у Бога».

– Подожди, бабушка, – удивлённо воскликнула Маша. – Ведь Бог родится только завтра. Как же я у него буду что-то просить, если Он ещё не родился?

Бабушка улыбнулась и погладила внучку по волосам.

– Бог не рождается и не умирает, как люди. Мы же празднуем день рождения Иисуса Христа, который пришёл на землю в образе простого человека и пострадал на кресте, – ласково пояснила она. Потом с умилением посмотрела на Машу. – Твой день рождения мы ведь тоже празднуем каждый год, хотя родилась ты не сегодня. В Рождественскую ночь ты можешь попросить исполнения своей самой дорогой мечты, – продолжила бабушка голосом, каким обычно читала сказки на ночь, и вдруг загадочно улыбнулась. – Ты ещё не разлюбила смотреть по телевизору фигурное катание? – спросила она как бы невзначай. Маша рассеянно кивнула. Она думала о другом.

– Бабуль, я хочу у тебя кое-что спросить... – девочка умоляюще взглянула на Евдокию Кузьминичну. – Правда ведь, чудо – это не выдумки взрослых?

– Нет, конечно, – воскликнула бабушка. – Чудес вокруг нас полным-полно. Только не каждому они открываются. Чудо видит только тот человек, который в него верит. А верит в чудеса только тот, кто прикоснулся к Богу.

Она вынесла из прихожей книжку и подала её Машеньке.

– Это Рождественская история, – сказала она. – В картинках. Мой подарок тебе к Рождеству. Прежде чем лечь сегодня спать, полистай эту книжку.

Она поцеловала внучку и пообещала разбудить её рано утром, если та не проснётся сама.

Наступила волшебная ночь. Машенька решила не спать до самого утра, чтобы не пропустить появления первой звезды. В эту ночь она не стала укладывать своих кукол, а плюшевому охраннику строго-настроено приказала отгонять от них сон. «Хорошо ему, – весело подумала она. – У него глаза никогда не закрываются, поэтому он никогда не спит». Все свои игрушки Маша разместила под ёлочкой. Им там будет хорошо.

Девочка легла на кровать, открыла бабушкин подарок и стала разглядывать картинки. Она увидела старинный ночной город; на одной из узких улочек – удивительной красоты девушку в накидке от дождя, рядом с которой стоял седовласый бородатый мужчина с добрыми глазами. Потом дорога повела в горы... Зачарованная Маша остановилась в огромной долине, где пастухи пасли стадо овец. По склону горы на фоне изумрудного ночного неба медленно спускался караван верблюдов, навьюченных какими-то тюками, а впереди с посохами в руках шли три бородатых старика в богатых одеждах. В небе вдруг вспыхнула звезда, которая всё вокруг осветила. И девочка отчётливо увидела, что находится недалеко от пещеры, из которой доносится плач младенца. Откуда-то сверху, прямо с неба, потекла музыка: «Слава в вышних Богу, на земле мир, в человеках благоволение...». Маша вспомнила этот тоненький перезвон небесных колокольчиков. Однажды она уже слышала эту музыку... в тишине, ночью, зимой, когда находилась одна в своей комнатке. Эта музыка доносилась с улицы, откуда-то сверху. Она тогда разбудила Диму, но он ничего не услышал и сказал, что ей всё это мерещится. Какой же он всё-таки смешной!

Затаив дыхание, она вошла в пещеру. «Подойди, прикоснись ко Христу, – услышала она бабушкин голос. – Чудеса рядом с нами, но видят их только те, кто прикоснулся к Богу». Машенька вдруг почувствовала чье-то ласковое прикосновение и... проснулась. За окном кружились снежинки, в небе сияла первая утренняя звезда. Рядом с кроваткой стояла бабушка.

– С Рождеством, милая моя внучка.

– С Рождеством, бабушка.

Маша потянулась, зевнула и не торопясь слезла с кроватки. Неужели она спала? А как же Миша, куклы? Она метнула взгляд в сторону ёлочки и обомлела. Там, рядом с плюшевым мишкой, лежали чудные белые коньки, о которых она мечтала.

Утром был праздничный пирог с чаем. Нарядная ёлка в большой комнате сверкала множеством разноцветных огней. Пахло мандаринами. Дима получил в подарок изумительный детский конструктор и возился с ним, что-то собирая.

Этим утром произошло ещё одно чудо. К ним на минуту заскочила соседка тётя Наташа, поздравила всех с праздником, принесла в подарок большого шоколадного зайца, коробку конфет, всех расцеловала, а потом радостно сообщила, что нога у неё за ночь совершенно зажила, и что она не может понять, каким образом это чудо свершилось.

Бабушка и внучка с улыбкой переглянулись.

– С Рождеством всех вас...

Раскаяние

Случилось это со мною в канун Страстной недели. После занятия в воскресной школе я пришёл домой в большом смущении. Вопрос, который мучил меня, возник сразу после уроков, однако я не успел задать его нашему преподавателю, поэтому и пришёл, озадаченный этим вопросом, домой. «Как же так? – спрашивал я себя. – Если Иисус Христос был Богочеловек и заранее знал, что с Ним сделают люди, тогда в чём состоит величие Его жертвы?». Я попытался найти ответ у родителей, но они мне так толком ничего объяснить не сумели, а до встречи с преподавателем воскресной школы оставалась ещё целая неделя. Вопрос же, который меня мучил, превратился в вирус, исподволь подтачивающий изнутри.

Смущение почему-то столь сильно запало мне в душу, что я начал ощущать приближение внутреннего конфликта – так, верно, рыбаки, вышедшие порыбачить в море на своих утлых судёнышках, чувствуют приближение огромной волны. Утлое судёнышко моих знаний уже покачивало. Характер мой был таков, что мне необходимо было срочно разрешить все сомнения, иначе... я начинал тонуть, как это когда-то случилось с маловерным учеником Иисуса. Следует заметить, что мне было уже четырнадцать лет, а в этом возрасте юноши, вроде меня, всё подвергают сомнению.

За четыре дня я перечитал четыре Евангелия и убедился в том, что Сын Божий не только знал о своём будущем распятии, но также ведал, кто и каким образом Его предаст, кто и как от него отречётся. Моё смущение состояло в том, что мне казалось: раз Он знал всё наперёд, значит, пойти на Крестную смерть Ему было не очень трудно. По моей логике выходило, что подвиг любого мученика, не знавшего о том, что его ожидает впереди, был значительно ниже подвига Богочеловека! А раз так... Не стану передавать кошунственные мысли, которые лезли мне в голову. Наконец, я измучил себя настолько, что заболел. У меня неожиданно вспухло горло и появился флюс. По иронии судьбы это произошло в пятницу на Страстной неделе, в ту самую пятницу, в которую когда-то был распят Христос.

Как мог я крепиться: полоскал рот, принимал аспирин, но к вечеру со мной случилось самое неприятное – у меня разболелся зуб. Должен признаться, что больше всего на свете я не терплю зубную боль. Один только звук бор-машины для меня самая настоящая пытка! До ночи кое-как дотерпел. Наглотался анальгину, надеясь, что боль утихнет. Однако под утро зуб у меня разболелся так сильно, что я начал кататься по постели, охать, стонать, а потом и вовсе расплакался. Утром я побежал в поликлинику. Был выходной день, поэтому была большая очередь. Я присел на белый топчан и стал дожидаться, когда меня позовут в кабинет зубного врача. Очередь, повторюсь, была большая. Непроизвольно я задумался. И тут мне в голову совершенно отчётливо пришла следующая мысль. Вот я, к примеру, сижу здесь, зная о том, что через час-другой от моей боли не останется даже воспоминания, знаю об этом – и боюсь. Боюсь переступить порог кабинета зубного врача. Чуть у меня только что-то заболело, и я уже паникую, стараюсь всеми способами избежать боли. Нет у меня ни капли мужества и терпения. И такой человек, как я, слабый и нетерпеливый, посмел усомниться в величии подвига Богочеловека. Одна только физическая боль на кресте чего стоила! Я даже минутку на зубном кресле боюсь провести, а тут долгое мучительное умирание на кресте под лучами палящего солнца. А сколько душевной боли Он испытал, видя, как люди от него отвернулись, предали даже самые любимые из учеников. Мне стало стыдно и за своё предательство. Ведь я тоже чуть не предал Его, усомнившись в крестных муках. «Господи, прости меня, – взмолился я, позабыв о своих зубах. – Прости меня, слабого человека».

Никому из взрослых я не рассказал, что со мной произошло на Страстной неделе. И впоследствии всякий раз, когда мне в голову приходили какие-нибудь подобные сомнения, я, прежде чем спросить совета у взрослых, сначала «примеривал» событие на себя, и почти всегда в этом находился и ответ. Истина – это стальная игла, с помощью которой лопается наша пустая человеческая гордыня.

Правдоруб Кузякин

Коля Кузякин рос очень честным мальчиком. Так его воспитывал папа. Учил его не бояться резать людям правду-матку в глаза, именно резать и именно в глаза. «Только правда, – не раз повторял он в присутствии сына, – делает человека человеком с большой буквы. Правда – наивысшая добродетель! – горячился он. – Ради правды люди всегда были готовы отдать жизнь, расстаться с работой, семьёй, и даже пойти на каторгу». И в самом деле, Колин папа часто страдал из-за своей любви к правде. Чуть не каждый год вынужден был менять место работы, однако никогда не сдавался и всё время возвышенно повторял: «Не любят люди, когда им режут правду-матку в глаза. Обижаются, слабаки. А на что обижаться-то? Вот на днях пришёл мой начальник на работу, бледный как поганка, жёлтый, худой. Никто же ведь ему не скажет правды, кроме Кузякина. Трусы, подлецы, подхалимы. А я вот не испугался. Взял и рубанул ему прямо в глаза: «Вы, Иван Николаич, что-то сегодня неважно выглядите, пожелтели, похудели лицом. Вы больны серьёзно. Вам нужно к доктору, иначе запустите болезнь и сыграете в ящик». Тем же вечером Кузякин сидел в кабинете у начальника и писал заявление по собственному желанию.

Страдал, конечно, правдоруб Кузякин от своей жадности сорвать с мира покров притворства и лжи и обличить неправду во всех её проявлениях, но мир почему-то не разделял этой жадности Кузякина и всё время больно лягался.

Однако ж Коля... добрый мальчик Коля! Он никак не мог взять в толк, почему мама после обычных папиных наставлений отводила его в сторонку и шептала сыну нечто другое.

– Папа, конечно же, по-своему прав, но не совсем, – ласково поясняла она. – Нельзя говорить человеку в глаза, что он плохо выглядит. Лучше солгать и сказать некрасивому человеку,

что он красив. Больному – что выглядит он прекрасно. Это будет не совсем правда, однако же и не ложь. Ты меня понимаешь, сынок?

Коля хлопал глазами, соглашался с мамой, однако ничегошеньки из того, что она говорила, не понимал. Мальчику казалось, что нужно поступать так, как отец. То есть всегда говорить правду. Ведь и в школе учителя не раз повторяли, что лгать нехорошо.

Однажды с Колей случилась странная история. В школе во время урока литературы молодая учительница Юлия Сергеевна вошла в класс в модном бордовом костюме, на котором почему-то недоставало одной пуговицы. Учительница поздоровалась с детьми и начала урок. Все, конечно же, притворились, будто не замечают оторванной пуговицы. Все, кроме Кузякина-младшего. Добрый мальчик поднял руку, и, когда Юлия Сергеевна с улыбкой разрешила ему говорить, Коля смело поднялся со своего места и решительно заявил:

– Юлия Сергеевна, на вашем красивом костюме нет пуговицы.

Класс взорвался от хохота, а молодая учительница густо покраснела.

– Спасибо, Коля, – обиженно ответила она. – Я непременно пришью новую пуговицу.

Класс пристыженно затих, а Коля, напротив, почувствовал себя героем.

– Юлия Сергеевна, почему вы обиделись на меня? – ринулся в бой мальчик. – Ведь я же сказал правду. Все в классе заметили, что у вас нет пуговицы на костюме, но никто не сказал вам об этом прямо.

Учительница, кажется, покраснела ещё больше.

– Ведь вы же сами учили всегда говорить правду. Почему тогда обиделись? И вообще, я вам не всё сказал... У вас на рукаве белое пятно, наверное, от мела, – вновь выстрелил дробью правды в учительницу добрый мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.